

на утесахъ; уже садовникъ ухаживаетъ за деревьями, птицеловъ заготовляетъ клѣтки, осматриваетъ лучки, замѣчаетъ полеть птицъ; рыболовъ вематривается въ глубины, очищаетъ сѣти, и сидитъ на камняхъ. Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты, переплетая шестиугольныя и одна на другую опрокинутыя чашечки, и смыкая ихъ попеременно, то прямо, то подъ угломъ, вмѣстѣ для красоты и для прочности; а иная складываетъ медь въ сіи хранилища, и воздѣлываетъ для пришлага гостя сладкій и безъ плуга выращенный плодъ. О если-бы поступали такъ и мы, Христовъ пчельникъ, мы—имѣющіе предъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія! Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо; одна прилетаетъ въ него временно, другая живетъ въ немъ постоянно, а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ глѣсъ и какъ бы разговариваетъ съ человѣкомъ. Все воспѣваетъ Бога и славить Его безсловесными гласами. И чрезъ меня за все приносится благодареніе Богу. Такимъ образомъ хвалебная ихъ глѣсь дѣлается моею, отъ нихъ и я беру поводъ къ пѣснословію. Ибо нынѣ выражаетъ радость все живущее, и у насъ наслаждается всякое чувство. Нынѣ высоковышній и рыный конь, наскучивъ стоять подъ кровлей и разорвавъ привязь, скачетъ по полю и красуется при рѣкахъ. Что еще?...

Нынѣ весна естественная, весна духовная, весна для души, весна для тѣла, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ея тамъ, прекрасно измѣнившись здѣсь, и обновленными перейдя въ новую жизнь, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава и честь и держава со Св. Духомъ, во славу Бога Отца, аминь*).

БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ**).

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Смертныя страданія Его были совмѣщеніемъ всѣхъ страданій, всѣхъ смертей всего человѣчества; въ этомъ несказанно мучительномъ состояніи изъ болѣзненного Его сердца послышался вопль, исполненный лютой боли: *Боже мой, Боже мой, почему Ты еси оставилъ.* (Іоан. 19, 30). Но отвѣта съ неба не послѣдовало, никакого

утѣшенія Божественному Страдальцу не преподано. Взоръ Отца небеснаго доселѣ съ благоволеніемъ покоившійся на Немъ, какъ бы отвратился отъ Него. Слово Воплощенное, плоть Котораго исткана отъ Дѣвы наитіемъ Святаго Духа, оставляетъ Богомъ.

Поруганный міромъ и отринутый небомъ, предоставленный самому себѣ, какъ жертва, обреченная на закланіе, Сынъ Божій испытывалъ, по человѣческому естеству Своему, предсказанныя пророками неизобразимо страшныя мученія; достигнувъ крайняго предѣла смертныхъ страданій, испивъ до дна чашу всѣхъ страданій, исполнивъ великое дѣло искупленія рода человѣческаго, удовлетворивъ правдѣ Божіей, Онъ какъ Побѣдитель, произнесъ торжественное и многозначительное: „*совершилось!*“ О, слово глубокое, выраженіе неисчерпаемое, величіе котораго тварь конечная постигнуть не можетъ и о которомъ смертныя уста едва могутъ лепетать!

Безсмертный вкусилъ смерть—*преклонивъ главу, предаде духъ.* (Ев. Іоанна 19, 30). Совершилось искупленіе падшаго рода человѣческаго: міръ Божій почилъ на немъ, уничтожено на крестѣ рукописаніе грѣховное, искупленное человечество, доселѣ отверженное Богомъ, наслѣдникомъ ада, содѣлалось возлюбленнымъ чадомъ Божіимъ; адъ содѣлался небомъ, преисподняя озарилась незаходимымъ свѣтомъ, князь тьмы связанъ нерѣшимыми узами, царство его поправно, ниспровергнуто; Сынъ Маріи, низшедъ въ пещеру аспидовъ, удушилъ, умертвилъ, побѣдилъ гордаго.

Одна лишь вѣчность раскроетъ, что совершилось на Голгоѣ. О священная и приспомятая Голгова! На ней Сынъ Божій былъ поруганъ, чтобы поругать діавола; здѣсь Онъ былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ, чтобы даровать намъ вѣнецъ вѣчнаго царства; здѣсь Онъ несъ крестъ, чтобы привлечь къ себѣ грѣшный міръ, здѣсь Онъ предалъ духъ Свой въ руки Бога Отца, чтобы воскреснуть для вѣчной славы, здѣсь, здѣсь заглажены всѣ грѣхи міра! Какія страданія могутъ уподобиться тѣмъ страданіямъ, которыя благоволилъ претерпѣть Богочеловѣкъ, желая спасти грѣшный міръ! несъ путь Его земной жизни, отъ пеленъ до плащаницы, исполненъ былъ скорбей и лишеній, но не утерпѣлъ гнѣвъ Божій излиться на богоубійцъ Іерусалимлянъ: они были преданы огню и мечу. Участь ихъ служить какъ бы предъизображеніемъ участи тѣхъ, которые отвергнутъ спасительное ученіе Христова, предадутся похотямъ страстей своихъ и за то осуждены будутъ на вѣчное мученіе. Тѣ же, которые жизнью, сообразною съ евангельскимъ ученіемъ, содѣлаются наслѣдниками неизрѣченныхъ благъ, преобрѣтенныхъ человечеству крестомъ Христовымъ, получаютъ блаженство; блаженство это неизобразимо никакими человѣческими словами и будетъ безконечнымъ.

*) Св. Гр. Б. т. IV, стр.—149—151.

***) Продолженіе, см. № 14 „С. Д. В.“

Надъ Голговою пронеслось безчисленное множество кровавыхъ событій, но она осталась и во вѣки пребудеть священнымъ приближеннымъ для всѣхъ, благоговѣйно поклоняющихся Освятителю ея животворящую Кровію своею. Какъ птенцы подъ крыльями небеснаго Орла, сюда стекаютъ и будутъ стекаться жаждущіе повергнуться у подножія Спасительнаго креста, облизывать то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Господни.

Всякій вѣрующій со страхомъ и благоговѣніемъ припадаетъ къ этому всемірному святылицу, сосредоточію безкровныхъ, приносимыхъ по всей вселенной, въ воспоминаніе жертвы, орошенной Боготворящею Кровію, принесенной на Голговскомъ жертвенникѣ за спасеніе всего міра. Исполнилось предсказанное народу еврейскому чрезъ пророка Іеремію *хребетъ, а не лице покажу имъ въ день погибели ихъ*. И дѣйствительно Пресвятое лице Его, распятаго на Голгоѣ, отвращено было отъ Іерусалима на сѣверо-востокъ—на сторону нашего отечества, пребывающаго тогда во тьмѣ язычества. Отраднѣе мысль, что мы какъ бы предназначены были Спасителемъ міра при Его крестныхъ страданіяхъ и смерти въ люди избранные, царское освященіе, языкъ святы. Кромѣ размысленій и чувствъ по поводу семи словъ, произнесенныхъ Спасителемъ со креста, при приближеніи къ Голгоѣ и другія мысли и чувства охватываютъ вѣрующаго: *И бу етъ животъ твой висѣтъ предъ очима твоими*, говорится въ священномъ писаніи ветхаго завѣта. Тотъ, кто однимъ словомъ сотворилъ вселенную, пригвожденъ къ древу, поруганъ и обезчещенъ и видѣхомъ Его, и не имѣше вида, ни доброты, но видѣ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человеческихъ (прор. Ісаія 53, 2). О тайна великая и преславная! Дающій жизнь лишается жизни, судія живыхъ и мертвыхъ осуждается на смерть позорную! *«Да молчитъ всякая плоть человѣка»*, взываетъ святая церковь *„и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ: царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датица въ съндъ вѣрнымъ* Приходятъ же сему лицу ангельстѣи, со всякимъ началомъ и властью, многоочити Херувими и шестокрылати серафими, лица закрывающе и вопиюще гласно: аллилуя».

О мученіяхъ на Голгоѣ и Распятіи Христовомъ св. Димитрій Ростовскій, основываясь на исканіяхъ древнихъ св. Отцевъ, повѣствуетъ, что когда привели Господа на Голгоѣ для распятія и стали снимать съ него одежды, прилипшія къ усѣченному тѣлу Его, то язы его раздирались и возобновлялась лютѣйшая бользнь, что предъ распятіемъ Господь былъ обезчещенъ мерзкимъ плюновеніемъ, что самъ Онъ хотѣлъ возлечь на крестъ, но мучители Его повергли Его на крестъ и съ такими неистовствомъ растянули пресвятое тѣло Его, что всѣ

суставы разошлись и подвинулись съ своихъ мѣстъ, такъ немилосердно пригвоздили руки и ноги Господа ко кресту, что всѣ жилы и суставы Его наполнились нестерпимою болью. Сбылось пророческое слово: *ископаша руку Мои и нозѣ Мои: и чешоша вся кости Моя* (псал 21, 16—17).

Вотъ мы на святой Голгоѣ. Алтарь и престолъ Голгоевскіе открыты, какъ бы для означенія, что весь міръ призванъ въ церковь Христову. На возвышенномъ мраморномъ помостѣ стоитъ величественное, во весь ростъ, распятіе Христово; изъ пресвятыхъ язвъ Его какъ бы струится на Голгоѣ животворящая кровь Господня, предъ крестомъ стояла пораженная глубокою скорбію, Пречистая Матерь Господа и возлюбленный ученикъ Іоаннъ. Открытый престолъ Голгоевскій осягаетъ то самое мѣсто, гдѣ находится небольшое круглое отверстіе, въ которое водруженъ былъ животворящій крестъ Господень, отверстіе это обложено серебрянымъ окладомъ съ чеканнымъ изображеніемъ на немъ страданій Христовыхъ.

Благоговѣно припадая, поклонники со страхомъ и любовію прикладываются къ этому мѣсту. Чье надменное чело не преклонится предъ этою священною скалою осягаемою престоломъ; чьи грѣшныя уста не прикоснутся благоговѣно къ этой святыни! Чьи слезы не кануть въ святое отверстіе, вмѣщавшее въ себѣ животворящее древо! Раскаяніе во грѣхахъ, моленіе о спасеніи, вздохи и стремленіе души къ Спасителю, испустившему послѣдній Свой вздохъ на крестъ,—такова буря духовная, потрясающая на Голгоѣ бренное естество человѣка. Грѣшникъ, повергнись здѣсь и принеси сердечную исповѣдь Искупителю своему во всѣхъ грѣхахъ своихъ, за которые принесена Имъ столь великая жертва; раскрой предъ Всевидящимъ всю свою душу; припомни все, что ты мыслилъ, говорилъ и дѣлалъ дурнаго, омой слезами сердечнаго покаянія грѣхи свои и, при благодатной помощи Распятаго, постарайся съ этого времени совершенно перемѣнить свою жизнь; начни жизнь новую, благодатную, возрожденную посѣщеніемъ святыхъ мѣстъ.

Въ правой сторонѣ престола Голгоевскаго видна глубокая трещина, происшедшая во время бывшаго землетресенія и распаденія камней, когда Богочеловѣкъ испускалъ духъ Свой на крестъ; камни, треснувшіе не по слоямъ ихъ, а поперекъ, ясно показываютъ необычайность событія.

Позади Распятія и престола сдѣланъ иконостасъ съ изображеніемъ страданій Христовыхъ, стѣны и своды расписаны; нѣсколько богатыхъ лампадъ неугасимо горящихъ, довершаютъ украшеніе святилища Голгоевскаго.

Въ правой сторонѣ его находится отдѣленная аркою латинская церковь, на томъ мѣстѣ,

гдѣ, по преданію, пригвозждали Господа ко кресту.

Патріархъ и архіереи служатъ на Голгоѣ божественную литургію безъ митръ, въ воспоминаніе уничтоженія Христова, бывшаго на этомъ мѣстѣ.

Кресты разбойниковъ, стоявшіе нѣсколько позади креста Христа Спасителя, обозначены четырьмя кругами на мраморномъ помостѣ Голгоѣ. Кресты эти весьма поучительны. Оба разбойника страдали одинаково: но одинъ изъ нихъ, сознавъ грѣхи свои и увѣровавъ въ Господа, содѣлался наслѣдникомъ царствія небеснаго, а другой, за богохуленіе, низведенъ въ адъ.

Святая Церковь это событіе изображаетъ въ такихъ словахъ: *„посредь двою разбойнику мѣрilo праведно обрѣтается крестъ Твой: оному убо низводимо во адъ тягосная хуленія, другому же лежащему отъ пререшеній къ познанію Богословія, Христе Боже, слава Тебѣ!“* Каждый изъ насъ, неся крестъ свой, да подражаетъ благородному разбойнику!

Воспоминаніе вольныя страсти Христовы, святая церковь взываетъ: *„придите вѣрніи, животворящему древу поклонимся, на немъ же Христосъ Царь Славы, волею рущь распростеръ, вознесе насъ на первое блаженство.“* «Днесь пророческое исполнися слово: се бо поклоняемся на мѣстѣ, идѣже стояше ноги Твои, Господи!».

Припадемъ же и мы къ честному, животворящему Кресту Господню, сокрушившему врага и отверзшему намъ врата царствія небеснаго, погрузимся мыслію въ безмѣрные страданія Христовы, восчувствуемъ ихъ, чтобы умилилось холодное наше сердце; припавъ къ подвожію животворящаго древа, омоемъ его теплыми слезами сердечнаго покаянія, подражая евангельской женѣ грѣшницѣ и другимъ, чтобы услышать милосерднаго Господа отпускающаго тебѣ грѣхи Твои. *„Се здравъ еси, ктому не совершай, да не горше ти что будетъ.“*

Взирая на пригвожденнаго за грѣхи наши, мы какъ бы слышимъ гласъ Его: воззрите и видите, какъ велика жертва принесена за спасеніе ваше; не златомъ и серебромъ тлѣннымъ испулены вы, а Моею кровію, излиянною на крестѣ; не распинайте же меня вторично грѣхами вашими, несите и вы кресты свои, чтобы со Мною наслѣдовать высшее блаженство, а кто не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене не грядетъ, нѣсте Мене достоинъ. На небо не было и не будетъ другаго пути, кромѣ крестнаго.

Голгоѣа произвела на всѣхъ насъ неотразимое впечатлѣніе. Взойдя на Голгоѣу, мы нѣсколько разъ съ необыкновеннымъ чувствомъ умиленія пропѣли: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“, при чемъ каждый разъ преклонялись на землю, обгавленную Божественною кровію Иисуса Христа, питателя міра. Съ глубокимъ благоговѣніемъ, умиленіемъ и трепетомъ сердечнымъ всѣ приложились къ святынямъ Голгофы, при этомъ нѣкото-

рые не могли удержаться отъ слезъ и плакали святыми слезами любви къ Господу и искренняго глубокаго покаянія въ своихъ грѣхахъ. Великіе, незабвенные моменты мы всѣ пережили у креста Господня! лучшимъ доказательствомъ этого служатъ помѣщаемая ниже выписка изъ дневника одного ученика.

Съ Голгоѣы мы по 28 ступенямъ спускались въ подземную армянскую церковь, изъ которой еще 12 ступеней ведутъ въ подземелье, гдѣ св. Еленою обрѣтенъ былъ животворящій крестъ Господень въ 326 г. по Р. Х. На мѣстѣ обрѣтенія его, въ самомъ углубленіи пещеры, устроенъ греческій престолъ. Въ этомъ подземельѣ видны огромные камни природной скалы, въ томъ видѣ, въ какомъ она осталась послѣ землетрясенія, бывшаго во время страданій Христовыхъ. Здѣсь же устроенъ католическій престолъ и вверху видно окно въ скалѣ, изъ котораго, по преданію, св. Царица Елена смотрѣла на работавшихъ при откапываніи креста Господня, который врагами Его былъ глубоко засыпанъ. Тутъ же указываютъ каменное ложе, на подобіе кресель, на которомъ сидѣла св. царица. Подземелье это находится на мѣстѣ бывшей лоцины, именуемой „юдолия мертвыхъ“, куда бросали тѣла распятыхъ съ крестами ихъ; тудаже низринуть былъ и крестъ Христовъ; а въ послѣдствіи онъ былъ засыпанъ землею, камнями и всякимъ соромъ. На мѣстѣ обрѣтенія Животворящаго Креста не только, какъ и вездѣ, около каждаго священнаго мѣста, было прочитано евангеліе, произнесена эктѣнія „помилуй насъ Боже“ съ прошеніемъ о паломничающихъ, но ученики съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ три раза пропѣли „спаси, Господи, люди Твоя!“.

Поднявшись вверху изъ подземелья обрѣтенія честнаго Креста, мы пришли въ греческій придѣлъ „поруганія и терноваго вѣнца“, гдѣ, подъ крестомъ, находится часть камня, принесеннаго изъ преторіи; на этомъ камнѣ сидѣлъ Господь во время возложенія на него багряница и терноваго вѣнца.

Въ стѣнѣ за рѣшеткой здѣсь находится вѣнецъ, сдѣланный на подобіе того, который возложенъ былъ на главу Спасителя. Двѣ неугасимыя лампы освѣщаютъ сумракъ этого священнаго мѣста. О страданіяхъ Господа такъ сказано въ святомъ евангеліи: *„воины правителя, взявши Иисуса въ преторію, собрали на Него весь по жѣ, и раздѣвши его, надѣли на него багряницу; и сплели вѣнецъ изъ терна, возложили Ему на голову и дали Ему въ правую руку трость; и становяся предъ нимъ на колѣни, насмѣялись надъ нимъ, говоря: радуйся царь іудейскій! и плевали на него и, взявши трость, били Его по головѣ. И когда насмѣялись надъ нимъ, сняли съ Него багряницу и одѣли Его въ одежду Его, и повели Его на распятіе“* (Ев. Матѣ. 27, 27—31). А св. Маркъ указываетъ и то мѣсто, гдѣ было

поруганіє надъ Господомъ: воины отвели Его внутрь двора, тоестъ, въ преторію, и собрали весь полкъ, и обдали Его въ беграницу. (15, 16—17).

При поклоненіи страданіямъ Христовымъ всякому православному христіанину надлежитъ вспомнить слова св. церкви: „Днѣсь Владыка твояри и Господь славы на крестъ привозждается и въ ребра прободается, желчи и оцта вкушаетъ, сладость церковная въцномъ отъ тернія облагается, покрывая небо облаки оджедою облачается поруганія и заушенія бречною рукою создавйи челоуѣкка, по плещема биечь бываесть; одваивйи небо облаки заплевано и рана пріемлена, поношенія и заушенія: и вся терпитъ мене ради осужденнаго, избавитель мой и Богъ, да спасетъ міръ отъ прелести, яко блугоутробенъ.“

Изъ прйдѣла „поруганія и терноваго вѣнца“ мы направились къ камню муропомазанія. Этотъ камень составляетъ общую принадлежность православныхъ, армянъ и католиковъ; онъ лежитъ на небольшомъ возвышеніи, продолговатый, желторозоваго цвѣта, длину 11 четвертей, шириною 14 вершковъ.

Камень муропомазанія обставленъ громадными подвѣвчниками и теплящимися матовыми лампадами. Это тотъ самый камень, на которомъ, Іосифъ и Никодимъ, по снятіи со креста, положили тѣло Господне, помазали его муромъ, обвили плащаницею и положили въ гробъ.

Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ такъ повѣствуетъ объ этомъ: *Іосифъ изъ Аримавѣи, ученикъ Іисуса, но тайный—изъ страха отъ иудеевъ, просилъ Пилата, чтобы снять тѣло Іисуса; и Пилатъ позволилъ. Онъ пошелъ и снялъ тѣло Іисуса. Пришелъ также и Никодимъ, приходившій прежде къ Іисусу ночью, и принесъ составъ изъ смирны и алая, литръ около ста. И тамъ они взяли тѣло Іисуса и обвили его пеленами съ благовоніями, какъ обыкновенно погребаютъ иудеи. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ распятъ, былъ садъ, и въ саду гробъ новый, въ которомъ еще никто не былъ положенъ: тамъ положили Іисуса. (19, 38—42).*

Святая церковь это событіе изображаетъ въ такихъ умилительныхъ пѣснопѣніяхъ: *тебѣ, одъющагося светомъ яко ризю, снемъ Іосифъ съ древа съ Никодимомъ, и видѣвъ мертза, нага, непогребенна благосердный плачь, воспріимъ, рыдая глаголаше: увы мнѣ, сладчайшій Іисусе! Его же вмалъ солниче на крестъ висима узрѣвшии, мракомъ облагашеся, и земля страхомъ колебашеся, и раздирашеся церковная завѣса; но се нынѣ вижу Тя, мене ради волею подвѣмши смерть. Какъ погребу Тя, Боже мой, или какою плащаницею обвию? Коема рукама прикоснуся нетлѣнному Твоему тѣлу? или кои пѣсни воспю Твоему исходу, чюдесъ величаю страсти Твоея, пѣснословлю и погребеніе Твое со воскресеніемъ, зовый: Господи, слава Тебѣ!*

А въ великую субботу, въ надгробномъ пѣніи надъ плащаницею, убажая Іосифа, святая церковь взываетъ: *приидите убажимъ Іосифа при спомятнаго, въ ноци къ Пилату пришедшаго и Живо та жеждъ испросившаго: даждь ми сего страннаго, Его же мати зрячи на крестъ висяща, рыдана во*

пѣяше и матерски восклицаше: увы мнѣ, Чудо мое! Увы мнѣ, свѣте мой и утроба моя возлюбленная! Сремеономъ бо предреченное въ церкви днѣсь событеся: твое сердце оружіе пройдетъ; но въ радость воскресенія твоего плачь преложи поклоняемъя страстемъ Твоимъ, Христе, и святому воскресенію“.

Облобызавъ камень муропомазанія, мы еще разъ побывали на Гробъ Господнемъ и поклонились живоносному источнику нашего воскресенія. Послѣ этого мы направились къ выходу изъ храма Воскресенія Христова.

Необыкновенно сильно, многоплодно и многознаменательно было то впечатлѣніе, которое оставили въ каждомъ изъ насъ святыя мѣста храма Воскресенія Христова. Вотъ какъ одинъ ученикъ въ своемъ дневникѣ исповѣди пишетъ объ этомъ: „Съ дѣтства я отличался религиозностью, любилъ ходить въ церковь и всегда усердно молился утромъ и вечеромъ. Эпоха 1905 года меня переродила. Серьезныхъ взглядовъ у меня не было, умъ былъ мало развитъ, а желаніе казаться серьезнымъ и развитымъ стало появляться. Легкомысленные взгляды я считалъ своими серьезными убѣжденіями. Въмѣсто горячей вѣры въ Бога появилась холодная разсчетливость. Подѣзжая къ Іерусалиму мысли мои были приблизительно слѣдующія: „Іерусалимъ не можетъ доставить мнѣ ни пользы, ни удовольствія, древнихъ памятниковъ тамъ нѣтъ кромѣ религиозныхъ, которые мнѣ ровню ничего не дадутъ. По дорогѣ отъ станціи ж. д. до Николаевского подворья у самой Іерусалимской стѣны у меня была минута переживаній, которая и удивила и поразила меня. Жизнь и ученіе Христа, развитіе христіанства со Св. мучениками рѣзко пронеслось въ головѣ, былъ моментъ, когда я хотѣлъ встать на колѣна и привѣтствовать св. городъ, но мысль, что товарищи насмѣшливо отнесутся къ моему поступку, остановила меня. Такъ была подавлена свѣтлая минута съ ея свѣтлыми переживаніями изъ—за боязни насмѣшекъ. Вечеръ перваго дня былъ проведенъ мною, какъ мнѣ казалось, ненормально: воспоминаніе о молитвѣ у Іерусалимской стѣны все время занимало мой умъ. Наконецъ я объяснилъ себѣ мои переживанія усталостью и отзвукомъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ, о бывшемъ величїи Іерусалима. На другой день идя въ храмъ Господень я волновался, ожидая для себя чего-то необыкновеннаго, но при самомъ входѣ въ храмъ ожиданія мои разлетелись въ прахъ: турокъ стоялъ почти въ самомъ храмѣ, курилъ же здѣсь и вѣроятно, судя по его выраженію лица, не стѣснялся въ выраженїяхъ. При видѣ этого турка, оскверняющаго храмъ Господень, вчерашнее желаніе встать на колѣни предъ стѣною,—стало казаться смѣшнымъ. Я сталъ интересоваться осмотромъ храма, какъ осмотромъ древняго памятника. Самый Гробъ Господень не произвелъ сильнаго впечат-

лѣнія ни на умъ ни на сердце. При осмотрѣ слѣдующихъ придѣловъ храма, мнѣ стало казаться ученіе Христа и Его жизнь—правдою, но особеннаго чувства я не испытывалъ. На Голгоѣфъ, когда священникъ грекъ сказалъ: „Здѣсь мучился и умеръ Господь за грѣхи людей“ въ груди меня обдало какъ-то холодомъ, я невольно вздрогнулъ и незамѣтно смахнулъ набѣжавшую противъ моей воли слезу. Я подождалъ, когда ушли всѣ товарищи и впервые послѣ многихъ лѣтъ горячо и искренно помолился. Долго я не испытывалъ такого радостнаго и удовлетвореннаго чувства. Въ это время я не постыдился бы человѣка, увидавшаго мои слезы и не побоялся бы насмѣшекъ товарищей. Это была минута, которая переродила меня, за минутою этого я былъ другимъ человѣкомъ, а теперь я горячо раскаивался въ своемъ невѣрїи, которое хотѣлъ заглядить искренними слезами передъ лицомъ распятаго Христа. Долго мнѣ не хотѣлось уходить съ мѣста, гдѣ произошло мое перерожденіе, и я далъ себѣ слово зайти еще нѣсколько разъ въ храмъ Господень. И я дѣйствительно заходилъ еще два раза и оба раза испытывалъ радостное чувство. Уходя изъ храма въ послѣдній разъ, у меня было единственное желаніе побывать со временемъ въ Иерусалимѣ и помолиться на Голгоѣфѣ.

Тяжело было разставаться съ Иерусалимомъ, я уже сроднился съ нимъ, по нужнo было уѣзжать. По приѣздѣ въ Каиръ мнѣ уже не доставляло удовольствія то, что раньше приводило меня въ восторгъ. Я сталъ запирается въ комнату, вынималъ св. Евангеліе (подаренное въ Одессѣ) и читалъ. И читая св. Евангеліе, я увидѣлъ ученіе Христа въ новомъ свѣтѣ: каждое слово Господне глубоко западало въ сердце и воодушевляло меня. Много прочелъ я религиозныхъ книгъ и всѣ они одинаково имѣли на меня благотворное вліяніе. И донинѣ когда у меня тяжелое настроеніе, приходится ли разочароваться въ чемъ, терять ли близкихъ, когда однимъ словомъ гнетущее состояніе, я вспоминаю слова:— „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“. И я молюсь и дѣйствительно успокаиваюсь и въ молитвѣ черпаю новыя силы, какъ для работы, такъ и для поддержанія своего нравственнаго существованія“.

6. Мѣсто русскихъ раскопокъ близъ храма Воскресенія Христова и посѣщеніе Иерусалимскаго Патріарха Даміана.

Изъ храма Воскресенія Христова мы возвратились къ себѣ на русскія постройки. Въ 4 часа вечера мы направились къ Иерусалимскому Патріарху.

На пути мы посѣтили русскія раскопки близъ храма Воскресенія Христова. Эти раскопки общають очень многое для освѣщенія вопроса

о мѣстности древняго Иерусалима времени Христа Спасителя, о крестномъ пути Господа и под.

Раскопки, произведенныя въ 1883 году, обнаружили основанія древней Иерусалимской стѣны, съ порогомъ, который, вѣроятно, принадлежалъ суднымъ воротамъ. Въ концѣ 1892 и въ началѣ 1893 г. раскопками расширены прежнія находки судныхъ воротъ, открытыхъ впервые Чарльзомъ Варрекомъ въ 1867 г., при чемъ найдены мостовая и порогъ этихъ воротъ.

На раскопкахъ мы видѣли часть той Иерусалимской стѣны, которая существовала за 400 лѣтъ до Рождества Христова. Громаднѣйшіе камни, по крайнѣмъ довольно хорошо отшлифованные, составляютъ матеріаль, изъ котораго сдѣлана эта грандіознѣйшая стѣна. Видѣли мы также судныя ворота, бывшія во время крестныхъ страданій Господа.

На постройкахъ устроена небольшая, очень изящная, снабженная художественными иконами, русская церковь. Здѣсь мы видѣли замѣчательныя художественныя произведенія нашихъ, русскихъ, художниковъ Кошелева и Рѣпина. Наше вниманіе въ особенности приковала икона-картина Рѣпина: „Иисусъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ“. Трудно было оторвать глазъ отъ этого необыкновенно выразительнаго, не поддающагося никакому описанію, произведенія нашего художника.

Въ этомъ маленькомъ и уютномъ уголкѣ святаго Града, наряду съ религиозными воспоминаніями и чувствами, невольно переживаетъ дорога воспоминанія объ отдаленной родинѣ. Отрадно было побыть въ чисто-русской обстановкѣ, гдѣ каждая мелочь напоминаетъ о далекой Россіи.

Съ русскихъ раскопокъ мы направились къ Иерусалимскому Патріарху Даміану.

Войдя въ стеклянныя двери патріаршаго помѣщенія, мы по довольно высокой лѣстницѣ, устланной коврами, поднялись въ широкій корридоръ, находящійся около покоевъ Его Блаженства, патріарха Иерусалимскаго.

Это, очевидно, была патріаршая приемная. Здѣсь было нѣсколько человѣкъ, въ духовныхъ одеждахъ, очевидно послушники и келейники патріарха. По сторонамъ приемной, устланной большими коврами, находилось нѣсколько скамеекъ и стульевъ.

При нашемъ входѣ одинъ изъ послушниковъ удалился въ боковую дверь съ портьерою, очевидно съ докладомъ къ патріарху о нашемъ приходѣ.

Около полудна намъ пришлось подождать до того момента, когда отворились двери и насъ впустили въ довольно обширный, — впрочемъ не больше зала саратовскаго Архіерейскаго Дома, — залъ, уставленный столами, стульями, креслами и диванами и устланный громадными коврами. Мы сгруппировались при входѣ въ ожиданіи выхода Его Блаженства.

(До слѣдующаго №—ра).